

Версия П. В. Петрухина совсем иная. Ее схема такова: 1) в грамоте № 724 два почерка; 2) основной текст грамоты — чисто позднерусский; 3) в приписке действует эффект скандирования (т. е. за написаниями *кѣназь*, *Мѣстѣ*, *Ѹчастокѣ* и т. п. в произношении реально стоят *кназь*, *Мстѣ*, *Ѹчасткѣ*), а это значит, что здесь тип языка тоже позднерусский; 4) из пунктов 2 и 3 следует, что грамота «тянет» в XIII век.

Но эта конструкция не выдерживает критики. Выше уже было показано, что пункт 1 неверен. Из этого следует, что неправомерна раздельная оценка двух половин грамоты (пункты 2 и 3). Пункт 4 неверен прежде всего просто потому, что в условиях описанной выше чересполосицы ни большая, ни малая степень приближения текста к позднерусскому типу не дает возможности отнести документ к началу или к концу переходного периода; а примеры грамот XII века, близких к позднерусскому типу, см. выше.

Особо следует отметить неправомерность пункта 3 (хотя для общего итога это уже решающей роли не играет). В приписке (как и во всей грамоте № 724 в целом) «вставные» буквы *о* и *ѣ* представлены только в точках, где в раннерусском были редуцированные. Поэтому в данном случае тезис о скандировании — это чистая гипотеза, основанная на допущении того, что все «вставные» гласные оказались именно на месте древних редуцированных (и ни разу внутри древних сочетаний согласных) случайно. Такая возможность теоретически не исключена, но ее вероятность чрезвычайно низка. И вот автор делает из этой маловероятной возможности часть всего построения, и на следующем шагу (пункт 4) она уже служит как бы одним из оснований для дальнейшего вывода. Чтобы оценить всю произвольность такой конструкции, достаточно осознать, что точно такой же ход рассуждения, если бы он был приемлем, легко привел бы желающих к выводу, что практически все раннерусские грамоты отражают язык, где редуцированных уже нет, а то, что именно на их местах (и ни на каких других) в грамотах стоит *ѣ* — это просто случайность в распределении эффектов скандирования.

Итак, попытки сузить для грамоты № 724 датировку внутри переходного периода могут опираться только на стратиграфию, палеографию или содержание документа.

К сожалению, надежных стратиграфических данных для грамоты № 724 нет.

Палеография указывает на интервал 1160–1180 как на самый вероятный; по-видимому, не исключено также некоторое его продление до 1200 (признак «Ж прямая звезда»); см. НГБ-Х: 315.

Ранним признаком является написание *отъ* (*отъ Мѣстѣ*, *отъ Волокѣ*, *отъбыти*, наряду с *ѡ* в других примерах) — до 1220, но в основном до 1160.

Отметим также, что грамота № 723, лежавшая в раскопе недалеко от № 724 и даже на 7 см выше, имеет внестратиграфическую дату 1160–1180, в частности, в ней представлено беспредложное *Кучькъву*, что дает позднюю границу около 1180; см. НГБ-Х: 396 (правда, ввиду сложной археологической ситуации уверенности в том, что одинаковая глубина означает здесь синхронность, всё же нет).

Таким образом, безотносительная к содержанию документа хронологическая оценка оказывается такова: по языку ок. 1160–1220, по палеографии вероятнее всего ок. 1160–1180.

№ 725 (кон. XII – 10-е гг. XIII в.; Б 98) [3]. Если верно, что представленная в грамоте запись *ѣ* = *Богъ* отражает тот факт, что древнее название этой буквы было не *буки*, а *богъ*, то аналогией к такой записи можно считать, в частности, такой пример, как *много мно^жство людии преизлиха ѣ* (= *сѣло*) (Лавр. [1231], л. 158). См. также выше, комментарий к № 515.

Для выражения *потрудитисѧ къ кому* ‘взять на себя труд добратся до кого-л.’ ср.: *И Амиратъ въ борзе шурью свою созва, и к Стратигу посла на свадьбу звати, глагола ему: «Не ленивъ буди, свату, к намъ потрудитисѧ* (Девгениево деяние); *Посла Девгений своего предстателя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудисѧ царь твой к моей худости* (там же).

№ 729 (40-е – сер. 90-х гг. XII в.; Б 132) [Г]. Имя *Гюлопа* (первоначально прочитанное как *Гюлопаѣ*) до сих пор трактовалось как финно-угорское, но убедительной этимологии для него так и не нашлось. Пред-

ложение связать его с частотной в финской антропонимике основой *holappa-* (из русск. *холопъ*) (Саарикиви 2007: 232–233) оставляет необъясненным передний гласный первого слога. Между тем, это имя может быть этимологизировано на тюркской почве, будучи разложено на элементы *гюл* и *она*, которым (с учетом варьирования глухих и звонких согласных в передаче тюркских антропонимов) может быть поставлен в соответствие ряд тюркских корней (*kül* ‘славный, мудрый’, *oba* ‘род’, *ora, ara* ‘уважительное обращение к старшему’ (см. Баскаков 1985: 52–53). Поскольку, кроме того, тюркскому *kül* может в русской передаче соответствовать *Кул-* (ср. там же об этимологии имени *Кулмѣи*), ничто не мешает сопоставить имя *Гюлопа* с реально засвидетельствованным половецким именем *Кулоба* (там же: 79). Другая возможность (подсказанная нам А. В. Дыбо) заключается в том, что начальное *Гюл-* может передавать тюркский корень *yul-* (*yol-*) ‘дорога’.

№ 731 (50-е – 70-е гг. XII в.; Б 83) [3]. Для фразы *а кодь ти мнѣ хлѣбъ тѣ и тобѣ*, где хлеб выступает как символ прокормления, законного довольствия, ср.: *а ты ли ми зѣбъ хлѣба моего же не хочещи дати?* (ПВЛ [1096] по Лавр., л. 85 об.).

№ 735 (сер. – 2 пол. XII в.; Б 20) [3]. Что касается особого значения союза *любо* в обороте *любо и до Коростомля* ‘хоть и до Коростомля’, ‘хоть бы и до Коростомля’, то можно указать примеры сходного употребления весьма близкого по значению союза *или*:

тѣмъ же готовъ ѿсмъ или на съмърть (‘даже и на смерть’, ‘хоть бы и на смерть’) (Житие Феодосия — Усп. сб., 58г);

сѣ же бысѣ Сѣмонъ Гиѡринъ сѣтъ, егѡже тогдѣ скѡбѣ люди ведѡша съ плѣненными въ приелиписѣ, звѣзавше тѣмъ по шю и влекѣще и биюще по всѣмъ оудомъ, ведѡша или до трѣжища (‘даже и до торго’), *идеже зѣконъ естъ оубѣити ѡсоужденыхъ злодѣи* (Флав., 470а).

№ 745 (кон. XI – 1 четв. XII в.; А 19) [3]. Покойный Е. А. Хелимский в свое время предложил (в письме) понимать в этой грамоте и в грамоте № 286 слово *присловье* несколько иначе, чем в ДНД. Он писал: «*Присловье* явно не ‘худая слава’, а ‘претензия’, ‘подозрение’, ср. также *присловье* ‘подозрение’ Нижегород. (СРНГ, 31: 388). В словоуказателе ДНД ‘худая слава’, ‘укор’, что точнее, но не отражено в переводах грамот». С этим стилистическим замечанием можно согласиться.

№ 752 (1080-е – 1100-е гг.; А 11) [3]. Для фраз *ажѣ бы ти годѣнь* и *ако естъ не годѣнь* ср., в частности: *ажѣ вы годѣно а ѣдете к намъ, а паки ли не годно вы, а волни есте* (Ипат. [1193], л. 233 об.).

Для выражения *моѣ худостѣ* ср., в частности: *Мы всѣ братьѣ и чернорисци кланѣмса тобѣ, и хочемъ та имѣти собѣ ѡѣа игоумена. Попъ же Василѣи в велицѣ изоумѣньи бывъ, поклонисѣ противѡ имъ и рѣ: ѡѣи и братьѣ, азъ чернество на срѣцѣ имѣлъ есмъ, игоуменьства же ради что мыслиѣте ѡ моѣи худостѣи* (Ипат. [1182], л. 220); *Посла Девгений своего представителя цареви, глаголя: «Дивлюся, како потрудисѣ царь твой к моѣи худостѣи»* (Девгениево деяние).

№ 755 (вероятно, кон. XIV в.; Г 86) [Г]. Представляет интерес коммуникативная структура этого документа. Приведем его текст с современной пунктуацией, но без кавычек:

Толко за мною и словѣ. Позвале мене Ѡлексъѣи на гумно, ажѣ Ѡсташька ѡвѣдѣ молоти. Ѡлексъѣи [жз]о воспроси: Цому молотишь безѣ нашихъ сирѡтъ, а намъ в землѣ половина, а верьши часть? И велѣлъ ми старѣиѣи мои и сѣмана и ѣмана молотить ваша Иване.

Перевод в ДНД трактует последнюю фразу грамоты как слова автора. При этом А. А. Зализняк оговаривает также менее вероятную, по его мнению, возможность того, что «прямая речь Олексея не кончается на слове *часть*, но идет до конца грамоты (т. е. что ссылка на Ивана принадлежит Олексею, а не автору доку-